

ГЕНРИ МИЛЛЕР: БРЕМЯ СТРАСТЕЙ

Миллер стоял как громом пораженный и не решался подойти. Он увидел ее через стекло витрины кафе в Гринвич-Виллидже, где они несколько десятков лет назад так весело проводили время. Как давно это было!

Женщина, сидящая за столиком, повернула голову, ее взгляд равнодушно скользнул по его лицу и перебежал в сторону. Господи, как безжалостно время! Но это, несомненно, Джун. Его вторая жена миссис Джун Мэнсфилд, с которой они расстались целую жизнь назад. Странное, безалаберное, непредсказуемое и обаятельное существо...

Теперь-то ему яснее ясного, что этой женщине он фактически обязан всем! Во-первых, если бы не она, Генри Миллер никогда не стал бы писателем. И кроме того, не вытолкай она тогда его в Париж — что он воспринял как верх жестокости и равноду-

шия, — Генри так бы никогда и не узнал, на что он способен. Дочь польских евреев-эмигрантов, изяшно-вульгарная брюнетка Джун, острая на язык, мечтательница и фантазерка — барон Мюнхгаузен в юбке, как он ее называл, — каким-то чудом смогла угадать его дар и понять душу.

— ...Я все беру на себя! — безапелляционным тоном заявила она, когда после женитьбы они поселились в Виллидже. — Мое дело — зарабатывать деньги, твое — писать.

Не исключено, что ей просто нравилась роль жены, приносящей себя в жертву таланту мужа. Джун устроилась танцовщицей и по совместительству стриптизершей в один из ночных клубов Виллиджа.

Мария де Медейра, Фред Уорд и Ума Турман в фильме «Генри и Джун»

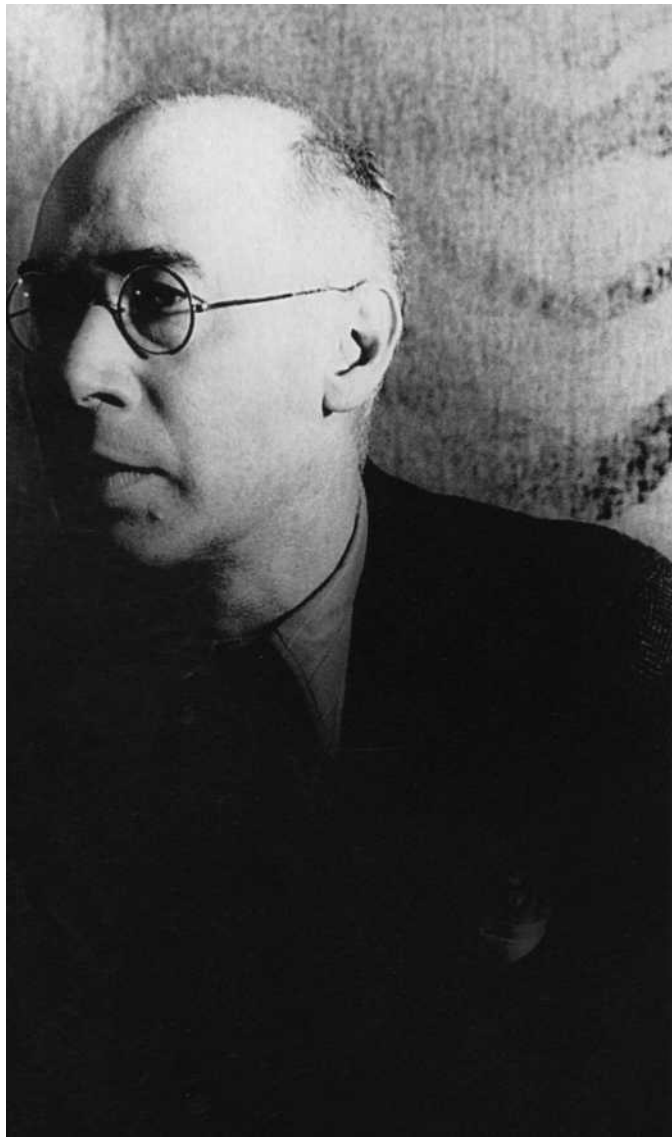
Платья Джун были настолько открыты, что казались просто прозрачными накидками, прикрывающими наготу

Каждый вечер, изображая творческое горение за пишущей машинкой, а на самом деле по капле выцеживая из себя фразы никак не дающего романа, он краем глаза наблюдал за сборами Джун на работу. Яркие пятна румян, вызывающе-алая помада, кокетливая пестрая шляпка, голые ноги и полное отсутствие нижнего белья. Пожалуй, бродвейские проститутки выглядели по сравнению с ней настоящими скромницами. Ее шелковые платья казались просто прозрачными накидками, прикрывающими наготу. «Если ты вздумаешь мне ме-

шать честно заниматься моей грязной работой и будешь считать ворон, вместо того чтобы делать свою, — говорила она, перехватывая его жадный взгляд, — то лучше тебе вернуться к отцу и стать портным!»

Это была сильнейшая угроза. Генри предпочел бы сдохнуть под забором, чем сделаться приемником своего почтенного родителя, владельца маленького портняжного ателье в пестром, многоязычном, осточертевшем Бруклине. Он просто задышался в затхлой провинциальной атмосфере колонии немцев-эмигрантов, в которой жили Миллеры. Здесь царили чисто немецкая расчетливость, экономия и скучнейшая предсказуемость: с той же непреложностью, с какой гусь с яблоками каждый год занимал свое место на их рождественском столе, Генри, закончив школу, должен был занять полагающееся ему место у стола закройщика. Ему ни в коем случае нельзя было обмануть родительские чаяния, потому что его младшая сестра Лоретта их уже жестоко разочаровала: она родилась слабоумной.

К несчастью Миллеров, один из школьных друзей приохотил Генри к чтению и в нем проснулась настоя-

Генри забежал к Полине попрощаться. Но она так долго стаскивала свои юбки, корсет и панталоны, что он... опоздал на поезд

шая страсть к книгам: Анатоль Франс, Бальзак, Конрад, Эмерсон, Блаватская, Бергсон, Метерлинк, Пруст, Ницше. .. Иногда он пользовался библиотекой своей знакомой Полины Шуто, жившей по соседству. Нежная, ласковая, с мурлыкающим голосом, она была на 17 лет старше Генри и являла собой полную противоположность его властной, холодной матери. 18-летний Мил-

лер и сам не заметил, как однажды оказался в ее постели. В соседней комнате за тонкой перегородкой умирал от чахотки сын Полины, ровесник Генри, и часто в самый неподходящий момент раздавался его высокий жалобный стон, словно скулил раненый щенок. Полина тут же вскакивала, впопыхах натягивала на себя разбросанную по полу одежду и, приглаживая на ходу волосы, неслась к сыну.

Нельзя сказать, что роль любовника женщины почти вдвое старше его была ему по вкусу — Генри стыдился этой связи, считал ее позорной, но порвать с Полиной было выше его сил. Отчасти для того, чтобы прекратить их отношения, он упросил родителей послать его после школы учиться в Корнелль, один из лучших университетов Восточного побережья. Перед отъездом, уже с вещами, забежал на минутку к Полине — попрощаться. Но она так долго стаскивала свои юбки, корсет и панталоны, что он... опоздал на поезд. Прижавшись к ее груди, как испуганный ребенок, Генри вдруг понял, что не в силах оторваться от нее, что ему совсем не хочется уходить из ее жарко натопленного дома, в котором всегда пахло яблочным штруделем, который Полина неизменно готовила для него. Махнув на все рукой, он остался: будь что будет! Только через несколько месяцев у него хватило решимости показаться на глаза разгневанным родителям.

Почти все из его школьных друзей уже нашли свою дорогу в жизни — кто стал учителем, кто бизнесменом, кто лавочником, а Генри по-прежнему продолжал пробавляться случайными заработками: он был курьером, носильщиком, рабочим, бухгалтером, помощником продавца; пиком его «блистательной карьеры» стало место управляющего по найму в одной телеграфной компании. Однако каждый вечер, возвращаясь с работы измотанный и уставший, как собака, Генри неизменно повторял про себя придуманную им первую строчку рассказа, к которому он все собирался подступить. Но стоило ему оказаться наедине с белым листом бумаги, как на Миллера словно столбняк напал: о чем писать? Все ведь давно написано!

От нечего делать Генри женился. Его жене Беатрис Уикенз, неудавшейся пианистке, было начхать на его творческие муки. Она окончательно убедила его, что мир — это конвейер и от тебя ждут только одного: с исправностью автомата делать деньги, чтобы приобрести пропитание, одежду, новую мебель, недвижимость и прочую чепуху. До сих пор от одного воспоминания об этой прагматичной длинноносой лисице Беатрис у Миллера делалось кисло во рту.

.. Вот поэтому-то Генри и не осыпал проклятиями собиравшуюся на службу Джун, а провожал жену покорным тоскливым взглядом. Ну действительно, разве не ради него она старается? А Джун старалась, и еще как! Такого предприимчивого менеджера было еще поискать. Один из ее богатых воздыхателей по имени Поп, большой знаток Пруста и Джойса, торопил Джун, чтобы та скорее закончила роман, над которым она якобы сейчас работает: если ему понравится — он обещает его издать. «Пиши быстрее, пока этот осел так увлечен мо-

Загородное поместье Анаис Нин

Если Джун принимала поклонника в их квартире, то Генри приходилось часами слоняться вокруг Вашингтон-парка

им бюстом», — вершала Джун над ухом у Миллера. Она уже показала поклоннику несколько журналистских опусов, сляпанных Миллером на скорую руку, и «осел» остался доволен литературными способностями «своей крошки». Прочитав миллеровский «Молох», Поп пришел в неопиcуемый восторг, и Генри все удивлялся, как это знатоку Джойса и Пруста не пришло в голову, что такая книга по определению не могла быть написана женщиной. И хотя до издания дело так и не дошло, но выплаченный Попом гонорар Генри и Джун прокутили на славу.

Между тем Джун «ради Генри» стремительно поднялась на высшую ступень своей карьеры — она стала настоящей ночной королевой Виллиджа. «Никто не должен догадываться, что я замужем», — убеждала она Миллера, и бедолаге приходилось с этим мириться. Его имя не значилось на входной двери. Будучи один дома, он не имел права никому открывать. А если Джун принимала поклонника в их квартире, то Генри, как собака, должен был часами слоняться вокруг Вашингтон-парка.

Потом, когда им уже вдоль и поперек были исхожены все злачные места Парижа, когда пьяные оргии с участием трех, пяти и даже десяти особей обоего пола стали для Миллера явлением столь же ordinарным, как чинный семейный завтрак, он перестанет воспринимать свою жизнь с Джун как что-то гротескное и чудовищное. Ну а пока...

Вернувшись однажды вечером домой, Генри застал жену склонившейся над тазиком: она нежно терла пяточки какой-то незнакомой юной особе, мурлыкая при этом что-то ласковое. Повернувшись к опешившему Генри, Джун не терпящим возражений тоном заявила,

Однажды у Генри окончательно сдали нервы, и он выклянчил у одного из своих друзей опиум

что он может выбросить в мусорную корзину все любовные сцены из своих рассказов, так как у него слишком обывательские и примитивные взгляды на любовь. Так что Генри пришлось в срочном порядке их менять: Джун настояла, чтобы они поселились вдвоем — вместе с ее подружкой, которую звали Джин Кронски. У бедняжки не было средств платить за квартиру.

Как всегда, внешне покорный Генри позволил перевести себя в смрадный подвал — бывшую прачечную, состоявший из трех помещений, которые и комнатами-то назвать язык не поворачивался. На такое жилище вряд ли польстились бы даже нью-йоркские бомжи. Заляпанные скатерти, грязные скомканые простыни, паутинка на низких окнах... Пепельницей служила любая

емкость, в том числе и кулечки, свернутые из чистовиков его рукописей. Жидкость в бутылке, внешне выглядывшая как красное вино, вполне могла оказаться разведенной краской для волос, которую Джун в спешке или по ошибке сунула в холодильник. На их двуспальной кровати рядом с его женой теперь безмятежно спала мисс Кронски, и каждое утро он с ненавистью наблюдал, как тела двух полуобнаженных бесстыдниц переплетаются в нежных объятиях.

Генри понимал, что с такой жизнью пора заканчивать. Однажды у него окончательно сдали нервы, и он выклянчил у одного из своих друзей опиум. Самоубийство казалось ему наилучшим выходом из положения. Генри написал Джун сентиментальную предсмертную записку, в которой объяснял, что в его смерти виновата ее исключительная жестокость по отношению к нему. Положив письмо на залитый вином стол, Миллер залпом выпил содержимое пузырька. Настежь открыв окна, в которые немедленно ворвался ледяной зимний ветер, Генри улегся в постель и стал ждать смерти. Он рисовал в своем воображении, как Джун придет, увидит его, окликнет, потом начнет трясти, закричит, заплачет, бросится целовать в холодные мертвые губы... Очнувшись, первое, что он увидел, была Джун, снимающая шляпку перед зеркалом. «Отлично выглядишь, — едва взглянув на Генри, бросила она. — Везет же некоторым! Никаких забот — лежи себе и дрыхни сколько влезет!»

Много лет спустя он понял, почему так долго не мог порвать с Джун. Он обожал ее тело, она как никто умела отдаваться вся, целиком, ничего не оставляя на потом; она умела стать с мужчиной единым целым, и ради этого мгновения единства, когда ему, казалось, удавалось вырваться из оков собственного тела, он готов был терпеть все ее дикие выходки. Именно годы, проведенные с Джун, дали повод будущему знаменитому писателю Генри Миллеру цинично утверждать, что между людьми не существует более весомой и важной связи, нежели секс. Сейчас, когда у него за плечами долгая жизнь, Генри готов еще раз подписаться под этим утверждением.

...Неожиданная идея Джун отправить его за океан выглядела полным абсурдом. Что ему одному делать в Париже? Без денег, без единого знакомого? «Ты там спокойно закончишь свой новый роман!» — твердила она. Но с какой стати там ему будет писаться лучше, чем дома? Видимо, Джун просто хочет отделаться от него, скорее всего он стал помехой в ее разветвленных и запутанных, как сеть железных дорог, любовных перипетиях. Однако и Генри внутренне созрел для перемен, он был вконец измучен этим унижительным существованием. Именно поэтому в феврале 1930-го он, не обремененный мыслями о будущем, шагнул на палубу корабля «American Banker»... Так капитаны уходят в опасное плавание в неизвестные моря, не зная, вернутся ли когда-нибудь обратно. Джун усердно махала ему рукой, изо всех сил стараясь придать своему лицу выражение душераздирающей грусти.

Он никогда не забудет, как его зубы стучали от холода в номерах самых дешевых отелей парижского Мон-

Своей третьей по счету жене Янине Лепской Миллер был благодарен хотя бы за то, что она родила ему сына и дочь

парнаса. Генри было тоскливо и стыдно: ему уже исполнилось 38 лет, а он нищ, как корабельная крыса, и не опубликовал еще ни единой строчки. Ни имени, ни известности, ни профессии, ни жены, ни любовницы — никого и ничего. «Вернуться, что ли, домой?!» — подумал было Генри на третий день своих мытарств в Пари-

же, и тут до него вдруг дошло, что даже если он твердо решит сию минуту отплыть в Нью-Йорк, ему никак этого не осуществить: он же не наскребет денег на дорогу — в кармане-то ни гроша! Разве что его ангел-хранитель сжалится над беднягой и подбросит нужную сумму в виде потерянного кем-то кошелька ему под ноги, ко-

Миллеру уже исполнилось 75, когда он женился в очередной раз — на юной японской певичке Хироко Токуда

дом, холодом, бесприютными ночами, ледяным одиночеством безжалостно кромсал душу Генри — так скульптор обтесывает камень, отсекая все, что считает ненужным. Ему доводилось ночевать под Северским мостом и всю ночь любоваться на плывущие по реке баржи и меняющееся отражение полной луны в лениво текущей воде. Доводилось кланяться у лицеистов папиросы, а то и просто подбирать окурки с грязного асфальта, как это делали лишь вонючие арабы. И тем не менее он не подох под забором, как прочили родители, друзья и в чем была втайне уверена Джун, он оказался крепким орешком — его корабль было не так-то просто потопить. Шагая по улице и иногда случайно лоя в зеркальной витрине свое отражение, Миллер просто не узнавал себя: некогда нежный абрис подбородка скрылся под густой жесткой щетиной, почему-то ставшей вдруг рыжеватой; в глазах появилось не свойственное ему озорное выражение — они смотрели с незнакомым энергичным напором. Высокий, худощавый, порывистый, он выглядел почти юношей — никто не верил, что ему, Генри Миллеру, уже за сорок.

К зиме 1930—1931 года вокруг него закружился хоровод новых знакомых, все больше богемная публика: Перле, Анатолий и Леон Пашутинские, Джон Николе... К Генри быстро привязывались люди — им нравились его беззаботность, остроумие, обаяние. Сколько он себя помнил, Генри всегда завидовал людям, обладающим этими качествами, а тут вдруг неизвестно откуда они обнаружили в нем самом. А уж какая вдруг открылась предпримчивость — куда до него Джун! Однажды Миллера осенило, как, не имея ни гроша в кармане, каждый день наслаждаться отличным обедом: он сел и написал семи своим знакомым одинаковые послания с предложением приглашать его на обед один раз в неделю — «когда им будет удобно» — в обмен на любые мелкие услуги, которые он мог бы им оказать: например, принести свежие газеты, выгулять во дворе собаку, поиграть часок-другой с их ребенком в Люксембургском саду... Результат оказался превосходным: никто не отказал, и теперь Генри был уверен в том, что каждый день поблизости от Триумфальной арки его ждет домашний яблочный пирог, в районе церкви Сен-Жермен — луковый суп, а на рю де Дам — ростбиф в винном соусе. Ему стало веселее жить.

В один прекрасный день соотечественник и знакомый Миллера — Ричард Осборн, банковский служащий, предложил Генри переехать в его небольшую двухкомнатную квартиру в центре Парижа. Поддерживать огонь в камине — такова была единственная просьба Осборна к своему жильцу. Уходя на работу, этот доброй души человек молча выкладывал на пишущую машинку десять франков: деликатный, но красноречивый призыв к другу поддерживать свое существование — во имя работы, во имя создания будущих великих произведений.

На Монпарнасе как-то безо всяких доказательств поверили, что Миллер — писатель: кто другой, кроме этой

Генри было тоскливо и стыдно — ему уже 38, а он нищ, как корабельная крыса, и не опубликовал еще ни единой строчки

гда он пойдет месить февральскую грязь в поисках пропитания. Перед отъездом Генри Джун побожилась регулярно присылать ему деньги, но вот уже которое утро он безрезультатно приходит в контору «American Express» и уже изучил все щербинки деревянного окошечка омерзительно-поносного цвета, откуда, как он надеялся, ему протянут милостыню в несколько десятков долларов.

Ссылка в Париж сделала свое дело, и оказалось, что это был самый большой подарок, который когда-либо преподнесла ему Джун. Париж, этот чужой город, голо-

братии (ну еще и художников, конечно), может быть столь безалаберный образ жизни? Миллер стал проповедником типично монпарнасской философии: художник должен жить только на воле, как птица, питаясь чем Бог пошлет. Он лекомысленно потерял приличное место корректора, куда его с трудом пристроили друзья, лишь потому, что Генри невмоготу было так рано вставать. Миллер писал вопиющие репортажи в парижские газеты и распивал на брудершафт красное вино с учениками в лицее, где временно преподавал английский. И, ясное дело, отовсюду вылетал с треском. Зато его прекрасно знали в лицо все парижские проститутки — не только в дешевых кварталах, но и на Елисейских полях. Едва лишь у Генри заводились деньги, как он устремлялся к этим веселым, готовым ночь напролет веселиться девицам. Им, так же как и ему, было нечего терять, и потому они отлично находили общий язык.

Именно в Париже Миллер впервые по-настоящему стал писать. Налив себе стакан вина — если денег оказывалось маловато, то приходилось довольствоваться дешевой кислятиной, — он усаживался за пишущую машинку. Этот зубастый зверь был окончательно приручен и больше не путал его. Генри перестал забивать себе голову такими глупостями, как «характер», «персонаж», «композиция», что мучили его когда-то в Нью-Йорке, — теперь он писал только о себе, о своем опыте, о жизни — такой, какой он ее видел. Друзья говорили, что его роман о Париже «Тропик Рака» — слишком откровенный, что это едва ли не порнография и вряд ли может быть когда-нибудь опубликован, точно так же, как и повесть

Теперь ему неловко даже вспоминать, какой дешевый ход он сделал тогда ей в отместку. Небрежно приказав Джун «одеться поприличнее», он потащил ее в гости к своей приятельнице Анаис Нин — молодой парижской романистке, очаровательной, аристократичной, с прозрачно-белой, как фарфор, кожей и нежными серыми глазами. В ее обществе Джун должна была почувствовать себя просто уличной девкой. Миллеру хотелось похвастаться перед Джун и роскошной загородной виллой Анаис — смотри, мол, какие у меня теперь знакомые! Бедная Джун, утопая в бархатном кресле и стреляя глазами по стенам, увешанным дорогой экзотической живописью, чувствовала себя до крайности неловко и то и дело стряхивала какую-то несуществующую пыль с пиджака мужа, чтобы хоть чем-то запясть руки. Миллер пустился с Анаис в странное обсуждение метафизики Уильяма Блейка, любимого поэта Нин. Джун сидела с покрасневшим напряженным лицом и после каждого замечания Генри вставляла:

— Ну да. Вот и я тоже так думаю.

Вечером в полном молчании они вернулись домой, где Джун, бросившись напрямик к его письменному столу, принялась яростно рвать в мелкие клочки лежавшую на нем рукопись. Ее рыдания и какой-то животный утробный вой долго оглашали ночной квартал. Джун была в своем репертуаре. Не стесняясь в выражениях, она голосила, что только такой идиот, как он, мог променять ее на эту «высушенную воблу-интеллектуалку». «Я понимаю в женщинах куда больше тебя! — вопила Джун. — Ты с ней нахлебаешься, и поделом, поделом!»

— Заткнись, — коротко приказал Миллер. — И готовься к разводу. Я женюсь на Анаис.

Идея, конечно, была бредовая, Миллер сказал это только затем, чтобы сделать Джун побольнее: он все еще не мог простить жене, что, когда ей понадобилась свобода, она словно щенка выбросила его из своей жизни. Впрочем, с Нин они действительно давно уже были любовниками, почему бы ему и не помечтать о женитьбе? Чем он, собственно, хуже этого облезлого банковского червя, ее мужа? К тому же в отличие от малообразованной Джун у Анаис действительно все в порядке с кругозором. В свое время Нин пришла в бешеный восторг от «Тропика Рака» и не только написала хвалебную рецензию, но и предложила роман знакомому издателю, пообещавшему его напечатать.

Когда муж Анаис уезжал по делам, она посылала Миллеру записку с просьбой приехать и «заменить его». Конечно, это было страшно приятно — после строгой обстановки осборновской квартиры оказаться в неге и роскоши загородного поместья, попивать в тени огромных старых вязов выдержанное дорогое вино из хозяйских погребов, наслаждаться сначала изысканной литературной беседой, а потом не менее изысканными прелестями хозяйки...

...«Где это вы находитесь, господин Миллер? — издевательски спрашивал он самого себя. — Неужели опять в Нью-Йорке? Поздравляю!» Увы, Джун, как всегда, оказалась права. После пяти лет разлуки Нью-Йорк, в который его занесло ветром любви, показался ему облезшим, с вылинявшим небом, гигантские скелетоскребы, как он их прозвал, делавшие улицы такими узкими, да-

Не стесняясь в выражениях, Джун голосила, что только такой идиот, как он, мог променять ее на эту «воблу-интеллектуалку»

«Одуревший петух», посвященная перипетиям взаимоотношений Джун и Джин. Но Миллеру теперь было решительно наплевать на то, будет что-либо напечатано или нет, он писал только потому, что это стало доставлять ему удовольствие.

...Однажды как снег на голову в Париж заявила Джун собственной персоной. Оказывается, она «измаялась» без него, «настрадалась» и даже «наголодалась». Увидев ее лихорадочно блестящие глаза, услышав знакомую скороговорку, ощутив объятие жадных цепких рук, Миллер испытал раздражение и даже панику: она хочет покуситься на его только-только налаженную жизнь! Джун разочарованно разглядывала аскетичную обстановку его комнаты: матрац на полу, пошатывающийся письменный стол с портативной пишущей машинкой, старый колченогий стул... Из окна открывался вид не на Елисейские поля, а на унылые серые дома-близнецы с уродливыми черными лестницами.

— Ты, как я погляжу, не слишком-то преуспел! И за чем только я надрылась?

Успех «Тропика Рака» и «Черной весны» принес Миллеру громкую скандальную славу. Он нашел свой собственный, ни на кого не похожий стиль. Вот только вторую Джун ему найти так никогда и не удалось...

вили ему на грудь и мешали дышать. Какого черта он сюда вернулся?

Если бы кто-то сказал ему, что наступит время и он, Генри Миллер, аккуратно подстриженный, в солидном твидовом костюме и с торчащим из кармашка белоснежным уголком платка, будет сидеть в собственном кабинете в центре Манхэттена, он бы даже не рассмеялся над подобной шуткой. И тем не менее Миллер теперь... практикующий психоаналитик. И, между прочим, преуспевает.

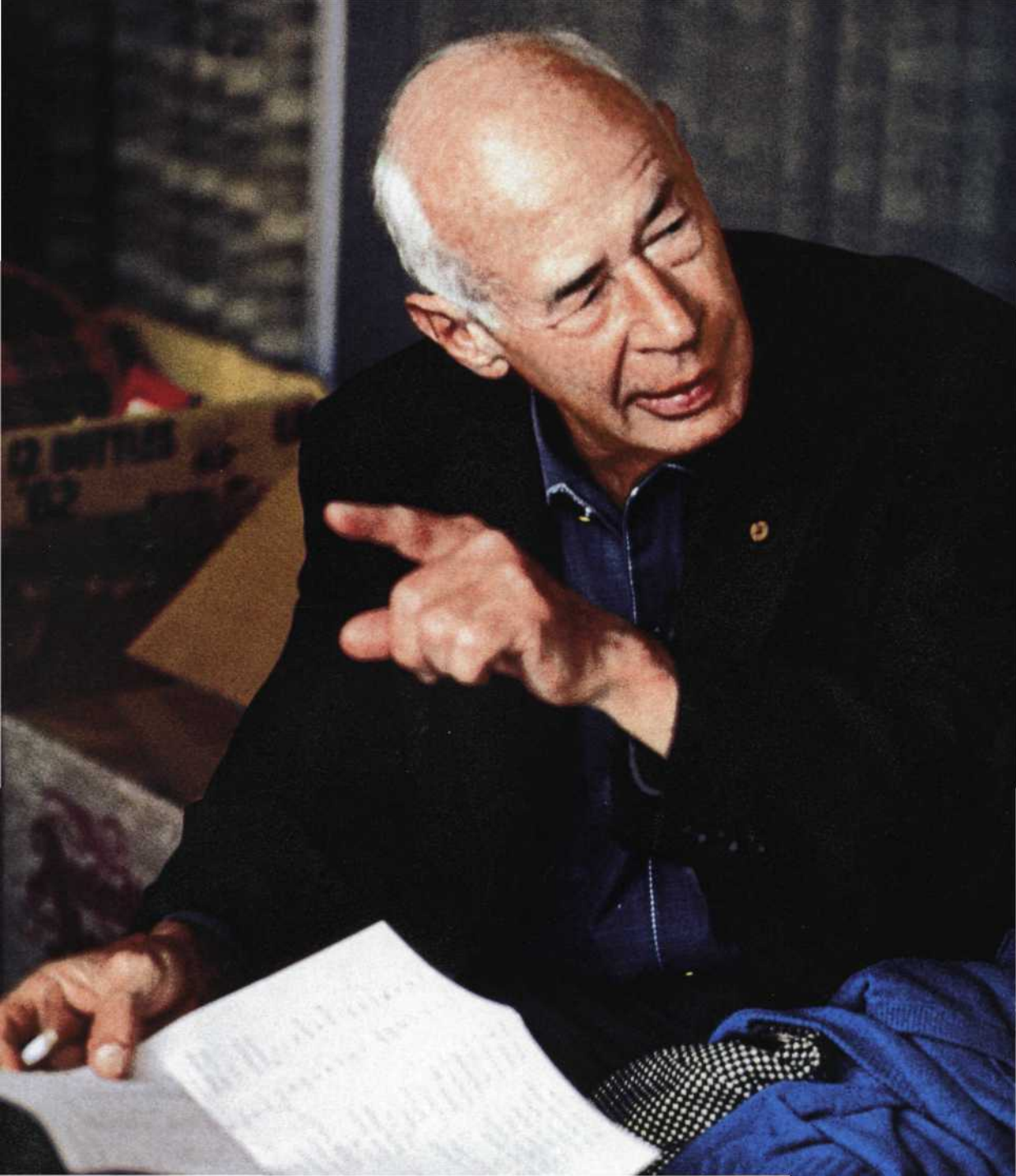
Он потащился в Америку вслед за Анаис. Она отправилась в Нью-Йорк со своим учителем, знаменитым психоаналитиком Отто Ранком, чтобы помочь ему наладить практику в Штатах. Анаис настояла на том, чтобы Генри прошел у Ранка курс психоанализа — после этого он сам уже мог стать практикующим врачом (в те годы полагали, что психоанализом может заниматься любой, кто сам через него прошел), а потом уговорила его поехать с ними. Нин, конечно, прежде всего надеялась, что Миллер таким образом сможет поправить свое бедственное материальное положение. Генри же

согласился на эту поездку только потому, что, как ему казалось, он был не в силах расстаться с Анаис.

К концу февраля 1936 года Миллер уже принимал до восьми пациентов в день. Он подсчитал, что если по четыре месяца в год заниматься подобной практикой — то вскоре он станет не менее состоятельным человеком, чем, например, муж Анаис. Немного цитат из св. Августина, немного — из Священного Писания, из Фрейда и Лао-цзы — и целительный психоаналитический коктейль готов. Он применял это лекарство для лечения страха кастрации, фригидности, Эдипова комплекса и Бог знает чего еще. И всем помогало, но почему-то только на первом сеансе. Тот же коктейль, предложенный во второй или третий раз, уже терял свою волшебную силу.

Одна пациентка, уроженка его родного Бруклина, пожаловалась Генри, что обнаженное мужское тело вызывает у нее страх. Девушка была словно только что испеченная булочка с изюмом.

— А это, знаете ли, подсознательный страх перед вашим отцом, — вкрадчиво сказал Миллер. Как он ут-

мился из этого идиотского словоблудия! — Я, естественно, могу вас от этого излечить, правда, несколько нетрадиционным для психоанализа способом.

Солидный врач поспешно скинул пиджак, и профессиональная скука в его глазах сменилась задорным мальчишеским огнем. Девушка была уже на пути к выздоровлению, когда в кабинет неожиданно вошла Анаис. Он надолго запомнил выражение ужаса в ее расширенных глазах и этот цокающий звук — торопливый стук удаляющихся каблучков из-за громко захлопнутой двери.

Просто непостижимо, почему все женщины на свете считают, что мужчина — это их собственность и должен всю жизнь оставаться припшпиленным к их юбке? Миллер знал, что с Анаис теперь покончено, как и с его психоаналитической практикой. Ну и слава Богу! И то и другое оказалось совершенно ненужным. Да лучше он будет до смерти спать под мостом, чем тратить свою жизнь на это бессмысленное отсиживание с девяти до шести в роли шута горохового! Кроме того, с тех пор как Анаис сама стала деловой женщиной — она ведь тоже заделалась доктором, — в их отношениях что-то разладилось. В последнее время, вместо того чтобы заниматься с ним любовью, она проводила в постели сеансы психоанализа. У Генри дрожали руки — ему не терпелось поскорее стащить с нее платье, но вместо ответной страсти он получал лишь монотонный заушный бубнеж:

— Генри, я заметила, что, когда ты ложишься со мной в постель, ты меня и хочешь, и отталкиваешь одновременно. Это потому, что у тебя были двойственные отношения с матерью. Так могут начаться проблемы с эрекцией... Психоанализ советует...

Бог мой, зачем Ты создал умную женщину? Разве это не взаимоисключающие вещи? Еще пара слов, и у него точно начнутся проблемы с эрекцией. Пусть Анаис тысячу раз ученица самого великого психоаналитика Отто Ранка и все на свете понимает про секс, это не сделает ее лучшей любовницей. «Где ты, Джун?!» — частенько мысленно восклицал он с тоской.

...«Вот видишь, Джун, что ты со мной сделала, — беззвучно обратился Миллер к женщине, сидящей за столиком по ту сторону витрины. — После тебя мне было очень трудно найти достойную партнершу».

Успех «Тропика Рака» и «Черной весны», изданных во Франции и запрещенных на его родине, в Америке, за «порнографию», принес Миллеру громкую скандальную славу. В 1946 году президент Общества блюстителей гражданской и общественной морали Даниэль Паркер возбудил дело против Миллера, его издателей и переводчиков. В ответ ведущие писатели Франции создали Комитет в защиту Миллера и языковой свободы, туда вошли Андре Жид, Жан Поль Сартр, Поль Элюар, Альбер Камю и многие другие. Под таким напором дело было закрыто, так и не дойдя до суда. К тому времени он уже понял и то, что именно Джун «развязала ему язык» — ее сочная, выразительная, не стесненная никакими приличиями лексика научила его живому слову. Он нашел свой собственный, ни на кого не похожий стиль. Вот только вторую Джун ему найти так никогда и не удалось...

После войны Миллер обосновался в Калифорнии, с ним теперь искали знакомства знаменитости: он под-

ружился с Теннисом Уильямсом, Дженном Стайнбеком, фон Штербергом, Стравинским, Мириам Хопкинс. Верный своим принципам, Миллер стойко отказывался от соблазнительных предложений киностудий начинать для них всякую коммерческую дребедень ради легких денег и по-прежнему писал только то, что было по душе ему самому. Он по-прежнему бродяжничал от женщины к женщине, безуспешно пытаясь отыскать свой потерянный идеал и находя только пародию на него. После Джун он женился еще трижды, в последний раз предпринял эту героическую попытку, когда ему уже исполнилось 75, став мужем юной японской певицы Хироко Токуда. Однако какая все это была тяготища и скука! В каждом из браков ему в основном приходилось исполнять отвратительную роль финансиста, а его мужской огонь — то, чем Миллер действительно мог похвастаться до глубокой старости, оказался его женам совершенно не нужен. Правда, своей третьей по счету супруге Янине Лепской он благодарен за то, что она родила ему сына и дочь; впрочем, этим ее заслуги и исчерпывались.

...«Сколько же ей лет?» — соображал Миллер, внимательно следя за женщиной в кафе. Ведь она много его моложе, значит, где-то за шестьдесят... «А вдруг она сейчас, не дай Бог, обернется, узнает его и станет, как все бывшие жены, жаловаться на здоровье и кланчить денег? — подумалось ему. — Надо скорее уносить ноги!»

В последнее время, вместо того чтобы заниматься с Генри любовью, Анаис проводила с ним в постели сеансы психоанализа

Но, размышляя так, он все продолжал стоять на одном месте, не в силах оторвать от нее взгляд.

В этот самый момент женщина вдруг резко встала и двинулась к выходу. Маленькая, съезжившаяся до карманных размеров, почти старушка, в давно вышедшем из моды плащике и вылинявшей косынке, она секунду пристально смотрела на него и, наконец узнав, порывисто, резко, как тридцать лет назад, бросилась Генри на шею. Он шархнулся от нее, как от удара. Нет, это не Джун! Его Джун красивая, с надменным лицом и томным взглядом, у нее никогда не было таких желтых рук и этого морщинистого, скомканного лица!

— Как ты превосходно выглядишь, Генри! Я тебя сразу узнала!

Нет, все же это она. Та же скороговорка, тот же низкий незабываемый тембр!

— Генри, Генри! — Женщина теребила его за рукав. — Скажи, ты и вправду тогда женился на этой ледышке Анаис? Неужели ты посмеешь утверждать, что тебе с ней было лучше, чем со мной?..

Он стоял в оцепенении, закрыв глаза, чтобы не видеть ее, а только слышать этот чарующий голос.

Елена Головина